УДК 371

К вопросу об истории женского образования в Иркутске. Девичий институт – первое среднее учебное заведение для девочек в Восточной Сибири

М. В. Кузнецова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. *Статья посвящена истории развития Девичьего института – первого среднего учебного заведения для девочек в Восточной Сибири. Основана на архивных и мемуарных источниках. Представлены материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Иркутской области, а также воспоминания выпускницы Девичьего института А. В. Богодаровой.*

Ключевые слова: *история образования, Девичий институт, преподаватели, обучение, жизнь в институте.*

В первой половине XIX века социально-экономическое и общественное развитие ставило перед женщинами новые задачи, возникала необходимость в подготовке воспитательниц, учительниц, наставниц. В это время открываются новые женские институты. В 1845 г. был создан Девичий институт Восточной Сибири. Он относился к учебным заведениям 2-го разряда. Мысль об учреждении в Иркутске Девичьего института принадлежала В. Я. Руперту, занимавшему с 1837 по 1847 гг. должность генерал-губернатора Восточной Сибири. Особая комиссия под его руководством выработала проект устава и проект дома для института. Содержать институт предполагалось на суммы от сбора пошлин с Кяхтинской таможни и частных золотопромыслов Восточной Сибири [4]. Цель учреждаемого заведения состояла в том, чтобы «дочерям благородных чиновников дать по возможности сообразное с их званием и состоянием образование… дети женского пола для своего образования лишены всех тех средств, которые предоставлены детям мужского» [2]. Устав института был разработан в соответствии с уставами других, уже существовавших российских институтов, были сделаны только некоторые замечания, касавшиеся местных обстоятельств и отдалённости [4]. По

проекту в институт могли поступать дочери чиновников, дворян, а также купцов 1 и 2 гильдий, инородческих тайшей и шуленгов [4].

Был укомплектован штат в 70 учащихся: 40 казённокоштных и 30 пансионерок. Институт подразделялся на 3 класса: 1-й – 8–12 лет, средний – 10–14 лет, в старший класс приёма не производилось. Предметами преподавания были следующие: закон божий, арифметика, история, география, российская грамматика, французский язык, естественная история и физика, рисование, пение, музыка, танцы, рукоделие. Вводилась 12-балльная система оценок; проводились экзамены. Управление институтом было возложено на генерал-губернатора Восточной Сибири. Ближайшее управление вверялось Совету, который состоял под председательством гражданского губернатора, трёх членов, избираемых из советников Главного управления Восточной Сибири, и начальницы института. Учебная часть была поручена инспектору. Обязанности начальницы заключались в том, чтобы «смотреть за нравственным образованием девиц» [2]. В помощь ей были назначены четыре классные дамы.

«По Высочайшему Ея Императорскому Величества повелению, предназначенные к занятию в Девичьем институте Восточной Сибири должностей: начальницы – жена чиновника 10 класса Козьмина; классных дам – дочери умершего губернского секретаря Дарья и Софья Эк, штаб-лекаря Марья Стахович и вдова майора Марья фон Герцен; учительницы рукоделия: дочь чиновника 8 класса, воспитанница Александровского училища Анна Никонова и лазаретная воспитательница – б. воспитанница Санкт-Петербургского Воспитательного дома Пелагея Иванова, – отправляются в Иркутск» [4]. Первой начальницей была К. К. Козьмина, воспитательница детей декабриста Муравьёва. С 1849 г. эту должность занимала М. А. Дорохова, ранее работавшая в Сиротском институте Петербургского воспитательного дома, с 1854 г. – Е. П. Липранди, окончившая Петербургский Екатерининский институт и работавшая в Петербургском воспитательном доме, Патриотическом институте, Московском Елизаветинском институте; с 1858 г. – А. П. Быкова, воспитанница и классная дама Смольного института. Таким образом, начальницы института имели столичное образование и педагогический стаж. Классные дамы ранее работали в столичных институтах и были приглашены в Иркутск, они являлись опытными воспитательницами. В 1860 г. впервые должность классной дамы заняла воспитанница Иркутского девичьего института первого выпуска (1849 г.), пепиньерка М. Г. Тюменцева, известная тем, что впоследствии она организовала в Иркутске детский сад. Контингент преподавателей Девичьего института состоял главным образом из преподавателей мужской гимназии. Среди лучших необходимо отметить К. К. Бобановского (русский язык и словесность), Г. П. Сементовского (физика и естествоведение), З. В. Коленко (история), И. О. Катаева (история, русский язык), Ф. Ф. Ольдекопа (география), А. М. Орлова (законоучитель), И. Д. Рычкова (математика), В. П. Быкову (французский язык, игра на фортепиано).

Постройка здания для института производилась на частные пожертвования: надворного советника П. В. Голубкова – 100 тыс. руб., коллежского советника Дриневича – 20 тыс. руб., почётного гражданина Мясникова – 10 тыс. руб., коммерции советника Попова – 2,5 тыс. руб., надворного советника П. П. Сукачёва – 600 руб.; итого – 133 100 руб. Строительство и подготовительное устройство были поручены Рупертом организованному им Совету. Наиболее деятельным оказался И. М. Осипов, который был командирован в Москву

и Петербург для приобретения необходимых институту вещей и необходимого опыта устройства.

Первоначальное здание института было деревянным и находилось на р. Ушаковке. 1 июля 1845 года произошло торжественное открытие института, на котором присутствовал ревизовавший в то время Восточную Сибирь сенатор И. Н. Толстой.

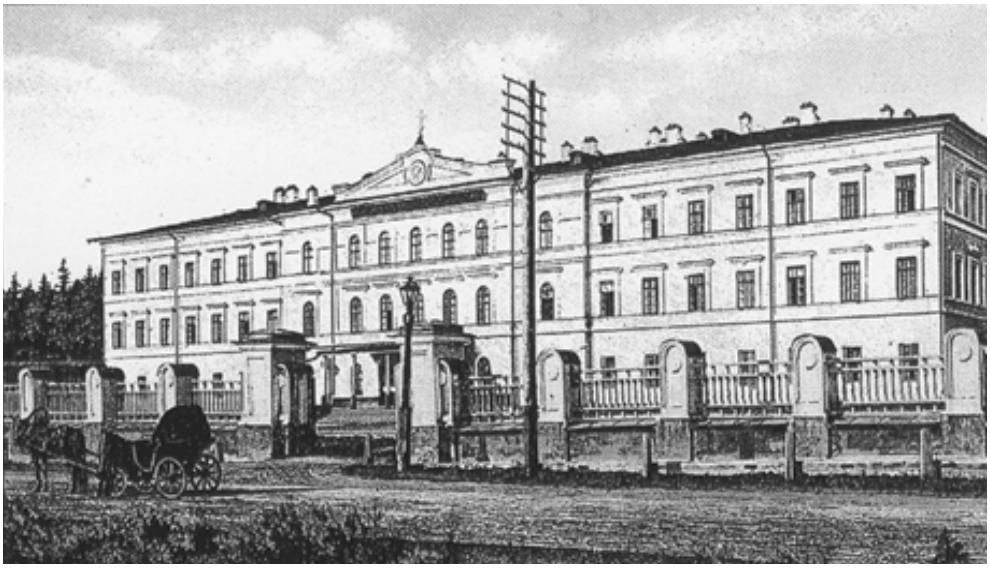
В первые годы преподавание велось по конспектам Казанского Родионовского института. Из отчётов того времени: «дух учения в институте направлен был на сколь возможно твёрдое и гармоничное развитие умственной и нравственной стороны воспитанниц... к тому, чтобы сделать воспитанниц вполне полезными и деятельными членами в кругу домашнем и общественном и чтобы приготовить их к важной роли – быть начинательницами нового воспитания, разумного для следующих поколений края» [2].

Большое внимание в институте уделялось преподаванию музыки.

При открытии института была создана библиотека, которая со временем пополнялась. Так, в 1847 г. золотопромышленник Соловьёв подарил институту 162 сочинения на русском и иностранных языках. В 1861 г. открылось новое каменное здание института, построенное по проекту архитектора Разгильдеева на берегу Ангары на пожертвованные почётным гражданином Иркутска Е. А. Кузнецовым в 1850 г. деньги – 100 тыс. руб. серебром.

В первый год в институт поступило 40 воспитанниц, к 1861 г. было 88 обучающихся, большинство из них были дочерьми чиновников, дворян, офицеров, меньше – купеческих детей, немного – девиц духовного звания и инородцев.

Девичий институт был единственным в Восточной Сибири первой половины XIX в. средним учебным заведением для девушек, значение его велико. Выпускницы института (к 1861 г., когда состоялся седьмой выпуск, их было 159 человек [2]) работали в разных городах, находились во главе женских учебных



Девичий институт им. императора Николая I. Фото 1911 г.

заведений Иркутска – гимназии, прогимназии, сиропитательного дома, Мариинского приюта, детского сада. Выпускница 1855 г. М. А. Гаевская 40 лет – с 1867 по 1907 гг. – управляла Иркутской городской публичной библиотекой – лучшим в Восточной Сибири книгохранилищем. Об огромном положительном значении института писали многие исследователи [1; 3; 5]. Так, в частности, В. П. Сукачёв отзывался о нём: «С самого начала института во всей его системе воспитания появилась аристократическая закваска... Не видя возможности осуществить свои идеалы в настоящем, институтка старалась осуществить их в будущем. Её понятия, взгляды на жизнь переходили от неё к детям» [5].

Новое каменное здание для института на Набережной улице заложено было 28 августа 1855 года, а 14 июля 1861 года институт был в него переведён. Деньги на постройку института (110 299 руб.) завещал известный иркутский меценат 1-й гильдии купец Е. А. Кузнецов. Здание было построено по проекту замечательного иркутского архитектора, выпускника Российской академии художеств Александра Евграфовича Разгильдеева (1817–1895). В этом здании училась А. В. Богодарова, выпускница Иркутского девичьего института им. императора Николая I нач. XX в. Её воспоминания, отразившие последний, малоисследованный, период деятельности института, обладают яркостью, образностью речи. По её мемуарам представим жизнь и деятельность института того времени.

Ангелина Викторовна Богодарова прожила интересную, яркую, трудную, типичную для интеллигента России жизнь. Она родилась в 1903 г. в Туле в семье санитарного врача Виктора Яковлевича Богодарова. Когда Лине шёл четвёртый год, умерла её мать. Семилетней девочкой она приехала с отцом в Иркутск и стала свидетельницей интереснейших событий. А. В. Богодарова воспитывалась в интеллигентной семье, с 1914 по 1920 гг. училась в Девичьем институте Восточной Сибири, с 1925 по 1930 гг. – в Иркутском госуниверситете по специальности «экономист-правовик». В 1938 г. была репрессирована, оказалась в тюрьме, подверглась активным допросам. В 1939 г. была освобождена за недоказанностью. Муж Ангелина Викторовны после ареста канул в безвестность. Её жилье в Иркутске занял сотрудник НКВД, ей пришлось уехать в Черемхово, где жила её сестра Елена. Более 50 лет проработала Ангелина Викторовна юрисконсультом в Черемхово. Она подарила нам прекрасные воспоминания о культурной жизни Иркутска начала XX в., о времени бурных и трудных перемен. Обладая замечательной памятью и яркой образной речью, Ангелина Викторовна написала интересный рассказ о жизни старого Иркутска, о своей alma mater – Иркутском Девичьем институте. Когда мы беседовали с Ангелиной Викторовной, ей было 87 лет (достойный возраст!); она сохранила замечательную память, яркую, образную речь, живой ум, способный анализировать события и явления прошлого и настоящего.

Ниже мы предлагаем фрагменты из мемуаров А. В. Богодаровой, опубликованные впервые в газете «Резонанс» (1992, № 2).

«В иркутском Институте благородных девиц учились дочери дворян, купцов, военных, чиновников. (Девичий институт им. Императора Николая I – сейчас I корпус ИГУ). Здесь они получали разностороннее привилегированное образование и воспитание. До этого я проучилась год в Первой Хаминовской гимназии. Девочки поступали в Институт с предварительной подготовкой, и сразу начинались языки – французский, немецкий; в старших классах – латинский. Начинали мы учиться в 8 классе, самые старшие – в первом классе.

Была группа пепиньерок – девушек, готовящихся к работе учительницами или к продолжению образования. Оценки нам ставили по 12-балльной системе... Преподавание велось по программе, которая приближалась к программе мужской гимназии, и работали у нас многие преподаватели из мужской гимназии.

Расположение комнат в Институте в 1914–1920 гг. было следующее. Вход с парадного крыльца в вестибюль. Направо – анфилада помещений начальницы (А. П. Моллериус вступила в эту должность после смерти мужа, иркутского генерал-губернатора; говорили, что она внучка Г. И. Шелихова): сразу посетитель попадал в приёмную; затем располагались её столовая и личная квартира из трёх комнат, в конце коридора был выход в небольшой сад начальницы, за которым находилось двухэтажное каменное здание для обслуживающего персонала, т. е. поваров, горничных и др. Классные дамы жили в комнатах рядом с дортуарами и классами на третьем этаже института. Всего в дортуаре было восемь комнат для каждого класса на тридцать человек, и комната для пепиньерок человек на семь. В дортуаре стояли кровати, рядом – тумбочки, на которые можно было ставить шкатулки-сундучки с личными вещами. В ногах – табуреточка с ящиком, в котором мы хранили обувь.

Но я не закончила описание первого этажа. Если правая сторона была во владении начальницы, то в левой части находились преподавательская, кухня и столовая для учениц, туалеты. В деревянном пристрое располагался лазарет, кабинет врача и амбулатория с палатами для больных. Помню, что врач у нас был Шастин, тот самый, который потом уехал в Монголию и положил начало здравоохранению в этой стране, открыл первую общественную больницу. (Шастин Павел Николаевич – иркутский врач, хирург, оказал значительное влияние на развитие хирургии в Иркутске. Во время Первой мировой войны с 1914 по 1917 годы возглавлял Иркутский госпиталь Красного Креста в Варшаве, Петрограде, под Ригой. Это был первый советский врач в Монголии, который был приглашён в 1923 году молодым монгольским правительством. Как основатель первой европейской больницы в Улан-Баторе, он положил начало научной медицины в Монголии. Самоотверженная деятельность в Монголии П. Н. Шастина в течение 14 лет сделала его популярным, и как результат любви монгольского народа явился акт занесения его имени в Почётную книгу «Сто знатных людей МНР». Он был награждён орденом Монголии, и в 1960 году новой хирургической клинике по поводу 35-летия здравоохранения МНР было присвоено имя П. Н. Шастина).

Классы находились на втором этаже, здесь же в правом крыле – несколько музыкальных классов. Там же были жилые комнаты для преподавателей. Третий этаж – дортуары, комнаты воспитательниц, церковь.

День в институте начинался в 7 часов утра: умывание, молитва, завтрак. В 9 часов садились в классы, начинались уроки, длившиеся до часу дня. Потом обед, перерыв и уроки до четырёх часов. Потом два часа перерыв и подготовка к следующему дню, выполнение заданий. На ночь в умывальнике брали тазы с водой. Младшим мыли ноги горничные, а старшие сами себя обслуживали. Были кабинки гигиены девушек. Баня находилась в соседнем помещении, за столовой.

Учение в институте стоило дорого, кажется, 275 рублей в год. Нас содержали полностью за счёт этих средств: одевали, кормили, учили, воспитывали. Платья камлотовые, для самых младших трёх классов – бордово-коричневые, для следующих трёх – тёмно-лиловые, для выпускных – серые. Рукава этих

форменных платьев были по локоть, а под них на руки привязывали тесёмочками белые нарукавники, которые периодически меняли. У нас были и праздничные лёгкие шерстяные платья; белые пелерины и белые фартучки мы носили ежедневно. Я храню фотографии своего класса, где мы в будничном одеянии со своей воспитательницей, классной дамой. Шили нам осенние и зимние пальто, обувь – козловые мягкие ботинки. Специальные наряды шили для занятий гимнастикой, ритмикой и танцами: широченные синие сатиновые юбки и матроски, а на ноги – прюнелевые ботиночки. Раз в неделю был урок рукоделия, который вела двоюродная сестра мачехи, жена институтского бухгалтера. Мы вязали, шили, вышивали.

Ритмику вела у нас Мария Ивановна Шлау, имевшая специальное столичное образование. Музыкальными классами руководила Евгения Григорьевна Городецкая, о которой говорили, что она училась у Н. Г. Рубинштейна в консерватории и он подарил ей рояль. (Городецкая Евгения Григорьевна – музыкант; окончила петербургскую консерваторию по педагогическому классу профессора Рейхардта в 1890 г. В 1901 г. была приглашена в Иркутский девичий институт для преподавания музыки. Её исполнительская, педагогическая, общественная деятельность оказала огромное влияние на развитие музыкальной культуры города. Она была ректором Музыкального университета, организовала курсы музыкальной грамоты. Являлась одним из организаторов частной музыкальной школы, открытой в 1905 году). В Иркутске Городецкая основала первую музыкальную школу. Мы занимались хоровым пением на двух уроках: духовное песнопение и многоголосное исполнение народных песен «а капелла» вёл Валерьян Валерьянович Мокеев. Классические хоровые произведения разучивала с нами Елена Васильевна Климашевская, она была оперная певица, пела замечательно. Про неё рассказывали, что из-за большой близорукости однажды она на сцене уронила декорации и после этого ушла на педагогическую работу. Мне довелось слушать Климашевскую во время концерта в Рабочем дворце, был такой в предместье Марата, прекрасный дворец, его отделывал художник Лебединский. (Борис Иванович Лебединский (1891–1972) – живописец, график, учился в школе технического рисования в Петербурге, в Петербургской школе Общества поощрения художеств (1911–1916) у И. Я. Билибина, А. А. Рылова, Н. К. Рериха. Заслуженный деятель искусств РСФСР; работал в Иркутске, в 1920-е гг. делал роспись Рабочего дворца в предместье Марата). Елена Васильевна исполняла партию графини из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». Никогда позже ни одна графиня не производила на меня такого сильного впечатления. В Рабочем дворце выступали многие московские артисты. Там я услышала и увидела впервые Собинова, кажется, в 1921 году, или чуть позже.

Из предметов в институте мне ближе были литература и история. Нравилось, как вёл историю Алексей Плакидович Демьянович. Позднее я попросила его написать мне что-нибудь, и на листе почтовой бумаги он оставил такое пожелание для меня: «Второй шаг надо делать после первого». Видимо, это он наблюдал мой характер, я обычно сначала брякну, что в голову придёт, выскажу, а потом, бывает, и жалею. Литературу преподавал Анатолий Михайлович Мышкин, талантливый человек; ставил мне две оценки за сочинение: содержание – 12, орфография и пунктуация – 6. Этот человек пострадал в 1937 году.

В каждом классе у нас работали две воспитательницы. Они чередовались, день одна с нами говорит по-французски, день – другая по-немецки. Так, в общении и в быту, мы овладевали языками. Это ведь единственно верный путь,

разговорный стиль можно освоить только в естественном житейском общении. А на уроках изучали грамматику и правописание. Преподаватели французского языка, помню, часто менялись, то месье, то мадемуазель. Воспитательницей во французский день была у нас Ольга Петровна Калан, сестра жены Б. П. Шостаковича, старая дева. Ближе всех и лучше всех была для меня Юлия Сергеевна Якубович, воспитательница немецкого дежурства. Говорили, что она внучка декабриста. Почему-то Юлия Сергеевна относилась ко мне с вниманием, как родной человек, замечала мои болезни, определила у меня близорукость, хотела, чтобы я занялась пением индивидуально с Климашевской – ей нравился мой голос, низкий, необычного тембра. Но у меня не было особого слуха, желания и средств, я отказалась. Воспитатель из Юлии Сергеевны был замечательный. Если Калан была деликатна, добродушна, снисходительна, пластична и требовала порядка, а общение с ученицами ограничивала односложными фразами, так что мы её прозвали «мерси, пардон, авек, плезир», то Якубович была требовательной, волевой, умной женщиной, много читала нам вслух, сама подбирала книги для чтения, подарила мне «Занимательную астрономию». Она могла быть и резкой, но всегда справедливой, к каждой девочке имела индивидуальный подход, и мы чувствовали, что она хочет видеть нас настоящими людьми. Она объясняла нам непонятный материал, помогала в трудную минуту, могла и пожалеть, причём без сентиментализма. Педагог от бога. Больше всего грамоте я научилась у неё. Когда в Иркутске, в губернаторском доме, что рядом с институтом нашим, открыли университет в 1918 году, то Юлия Сергеевна поступила на философский факультет, но окончить не успела – в 1921 году умерла от рака в возрасте шестидесяти лет. Всю свою жизнь я с благодарностью вспоминаю Юлию Сергеевну Якубович как самого дорогого мне человека.

/…/ Помню многих наших преподавателей, в военное время после четырнадцатого года в Иркутск приехали профессора из столицы, из Москвы, работали в лучших учебных заведениях города. После открытия университета они перешли в его штат. Географию читал Б. Э. Петри [15], сын составителя мирового Атласа, по имени которого названа скала в Крыму, физику – Индриксон, латинский язык – Генкель, полиглот, знавший даже санскрит. (Петри Б. Э. – этнограф и археолог, профессор). Естественные науки преподавал Знаменский, позже работавший в Ленинграде, имевший научные труды. Естественные науки вела Анимаиса Александровна Белозёрова из Петроградской Стоюнинской гимназии, её племянница Нина была моей подругой. Богословие и историю религии очень интересно вёл выпускник духовной академии Околович.

Институт имел большой и красивый, ухоженный парк, тянувшийся от здания до нынешнего стадиона «Труд». Позже на его месте построили дома и соорудили стадион. Помню три длинные аллеи, газоны, засаженные неприхотливыми барынями и васильками, площадки для игры в крокет и волейбол, большие сосны, кедр возле Краеведческого музея. Была в парке искусственная горка, засаженная цветами, с лестницей на вершину. Зимой с горки устраивались катания, был и каток.

Летом институтки отдыхали на даче. Она находилась в нынешнем Рабочем предместье, на берегу реки Ушаковки, близ Казанской церкви. Здесь был сад, качели, мы играли в крокет на специальной площадке, были спортивные сооружения, «гигантские шаги», а на берегу реки – купальни. На богослужение нас водили в Казанскую церковь. Вообще Ушаковка в то время была красивая и чистая речка, по берегам – сады, дачи; вода считалась целебной. В месте впа-

дения Ушаковки в Ангару река разливалась на несколько рукавов, образуя острова, на которых жили люди. Там бывала я у своей подруги. На том месте, где сейчас цеха завода им. Куйбышева (сейчас торговый комплекс «Фортуна»), находился Интендантский сад. Дальше, на Шалашниковой улице (сейчас улица Октябрьской революции), – сад Родионова, за которым ухаживал опытный садовод. На противоположном берегу Ушаковки была дача кадетского корпуса. Рядом – Епархиальное училище, где учились девочки из семей священнослужителей (Епархиальное училище, или училище для девиц духовного звания – школа для девочек из семей духовенства, открыта в 1854 году). Выше по течению Ушаковки было место, называемое «Каштак», где находилась Духовная семинария (в здании бывшей духовной семинарии сейчас размещается среднее профессиональное учебное заведение на улице Декабрьских Событий).

Так мы дождались семнадцатого года, когда в феврале начались революционные события. Осенью 1917 года ещё шли разговоры о бескровной революции, об Учредительном собрании. И вдруг в конце декабря началась пальба с противоположного берега Ангары, как раз против нашего института. Летели бомбы в Белый дом, попадали и в стены нашего дома. Прибыли рабочие из Черемхово, сражались мужественно, в их честь потом переименовали в Иркутске Вдовий переулок (сейчас Черемховский переулок). Когда полетели снаряды в стены института, нас всех свели вниз в длинный коридор, туда вытащили скамейки из столовой. Мне место досталось около печки, было страшно неудобно, я крутилась, и Юлия Сергеевна отправила меня в комнату, в учительскую, там окна были заложены матрацами и на полу лежали матрацы. Я ползком пробралась к стене и легла на один. Рвались снаряды. От прямого попадания загорелся деревянный пристрой к институту, в котором был наш лазарет. Пожар тушили все служащие, рубили стены, заливали головёшки.

Бомбёжка шла с перерывом два дня. Старшим девушкам уже дали задание шить из простыней белое покрывало с красным крестом, чтобы под ним перевести учениц в другое здание. В конце концов стороны договорились между собой и бомбёжка кончилась. Институт перешёл в ведение красных. А. П. Моллериус заболела, и к нам пришла новая начальница – Ольга Ивановна Патлых, член РКП(б). К ней на квартиру стали приходить красные комиссары, среди них бывал комиссар просвещения Пантелеймон Парняков (Пантелеймон Фёдорович Парняков – член Центросибири, комиссар, первый редактор иркутской газеты «Власть труда»).

В мае 1918 года нас перевели в Сиропитательный дом Е. Медведниковой (Сиропитательный дом Е. Медведниковой – первое в Восточной Сибири учебное заведение для девочек-сирот, первая школа для девочек в Иркутске, дата основания – 1838 год). Там, в отличие от института, девочек учили работать, мы убирали комнаты, мыли полы, учились печь хлеб. Летом девочек отправили работать на лесоповал за город, в район Пивоварихи. Там мы жили в школьном здании в селе Худяково, а работали в лесу.

Осенью восемнадцатого года в Иркутске жизнь пошла по-старому, власть взяла администрация адмирала Колчака. Нас вернули в институт, снова была начальница А. П. Моллериус, я продолжала учёбу ещё один год. А весной 1920 года, когда окончательно установилась советская власть, институт был закрыт».

Девичий институт – первое в Сибири среднее учебное заведение для дево-

чек. Благодаря ему Иркутск по развитию образования встал в один ряд крупными провинциальными городами европейской России.

Список литературы

1. Вагин, В. И. 40-е года в Иркутске / В. И. Вагин // Лит. сборник. – СПб. : [б. и.], 1885. – С. 249–280.

2. Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I : Первое пятидесятилетие. 1845–1895. – Иркутск : Типо-лит. П. И. Макушина, 1896. – 98, 28 с.

3. Кузнецова, М. В. Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX веков / М. В. Кузнецова. – Иркутск, 2011. – 312 с.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 8. Д. 35.

5. Сукачёв, В. П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири / В. П. Сукачёв. – М. : [б. и.], 1891. – 268 с.

To the Issue about Women's Education in Irkutsk. Girls' Institute – the First Secondary Educational Institution for Girls in Eastern Siberia

M. V. Kuznetsova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. *This article deals with the history of development of the first secondary educational institution for girls in Eastern Siberia – Institute for Girls. It is based on the archival records and memoirs. The author presents the materials of the State Historical Archives of Russia, the State Archives of Irkutsk Region and the memoirs of Bogodarova A.V. – a graduate of Institute for Girls.*

Keywords: *the history of education, Institute for girls, teachers, education, life in the Institute.*

Кузнецова Марина Валерьевна
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики и документоведения

Иркутский государственный университет
664003 Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел. 8(3952)426417
e-mail: mv39@yandex.ru

Kuznetsova Marina Valerievna
Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Applied Information and Document Sciences Department
Irkutsk State University

1 K. Marks St, Irkutsk, 664003
tel. 8(3952)426417
e-mail: mv39@yandex.ru